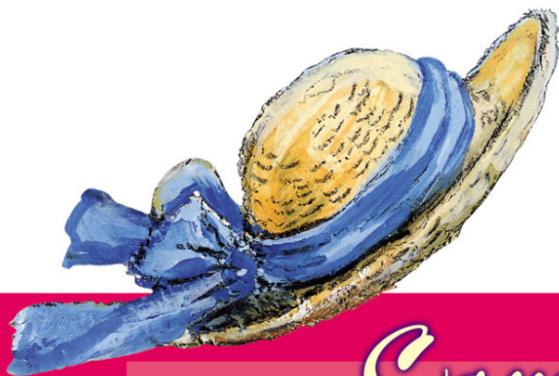

**ДЕТСКОЕ
ЧТЕНИЕ**

Саша Чёрный

 **ДНЕВНИК
ФОКСА МИККИ**
ПОВЕСТИ

Произведения печатаются без сокращений

Детское чтение (АСТ)

Саша Чёрный

Дневник фокса Микки. Повести

«Издательство АСТ»

1924–1927, 1929

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чёрный С.

Дневник фокса Микки. Повести / С. Чёрный — «Издательство АСТ», 1924–1927, 1929 — (Детское чтение (АСТ))

ISBN 978-5-17-148451-4

Саша Чёрный — русский поэт Серебряного века, журналист и писатель. В нашу книгу вошли две самые известные повести, написанные для детей: «Дневник фокса Микки» и «Кошачья санатория». Повести дополняет рассказ «Игорь-Робинзон». Фокс Микки не простой пёс. Он научился писать и ведёт дневник, где рассказывает не только о своих днях, но и делится мечтами об устройстве собачьего рая на Земле. А вот кот Бэппо попал в кошачий рай — кошачью санаторию. Коты и кошки здесь питаются досыта и бездельничают. И такая жизнь Бэппо совсем не устраивает. Только как сбежать из кошачьего рая? Произведения входят в школьную программу по литературе. Рисунки А. Власовой. Для среднего школьного возраста. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148451-4

© Чёрный С., 1924–1927, 1929
© Издательство АСТ, 1924–1927, 1929

Содержание

Дневник фокса Микки	7
О Зине, о еде, о корове и т. п	7
Стихи, котята и блохи	12
Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли	16
Осенний кавардак	20
Я один	23
Переезд в Париж	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Саша Чёрный

Дневник фокса Микки. Повести

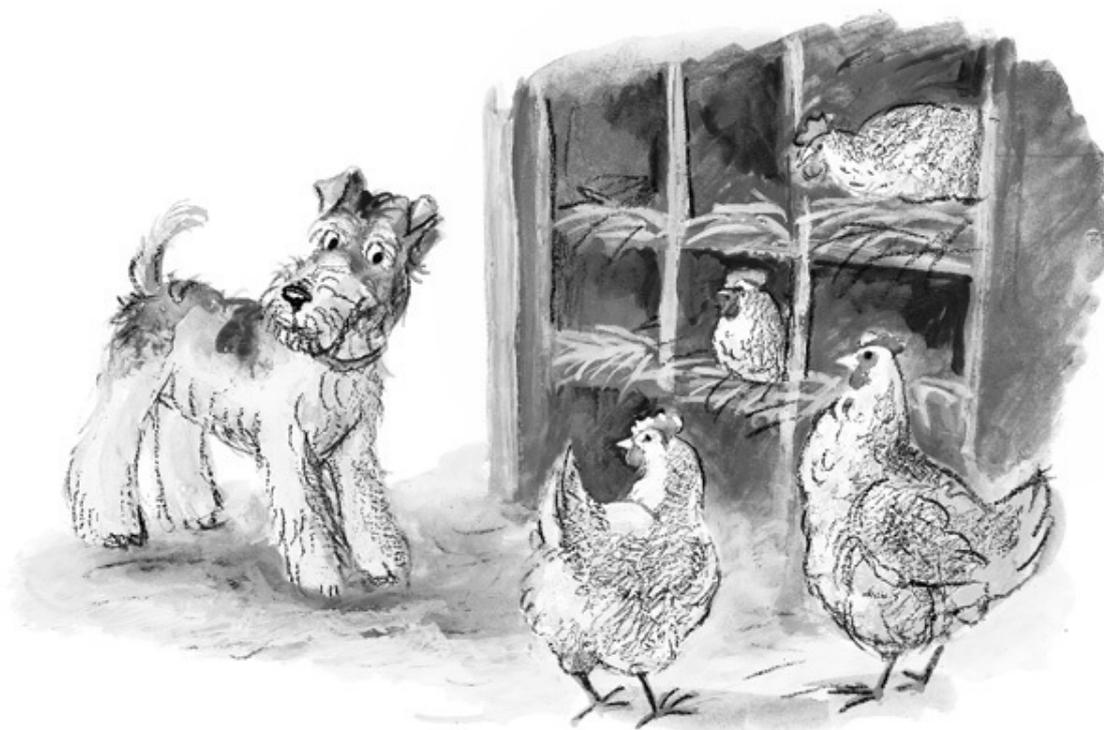
Рисунки А. Власовой.

Дневник фокса Микки

О Зине, о еде, о корове и т. п

Моя хозяйка Зина больше похожа на фокса, чем на девочку: визжит, прыгает, ловит руками мяч (ртом она не умеет) и грызёт сахар, совсем как собачонка. Всё думаю – нет ли у неё хвостика? Ходит она всегда в своих девчокиных попонках; а в ванную комнату меня не пускает – уж я бы подсмотрел.

Вчера она расхвасталась: видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика – диктовка – сочинения... А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь.

Гав! Я умею думать – и это самое главное. Что лучше: думающий фокс или говорящий попугай? Ага!

Читать я немножко умею – детские книжки с самыми крупными буквами.

Писать... Смейтесь, смейтесь (терпеть не могу, когда люди смеются)! – писать я тоже научился. Правда, пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна. Но я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ёрзала, – и пишу.

Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червяков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины. Вот только не умею точить карандашей. Когда мой иступится, я бегу тихонько в кабинет и тащу со стола отточенные людьми огрызки.

* * *

Ставлю три звёздочки. Я видал в детских книжках: когда человек делает прыжок к новой мысли, он ставит три звёздочки...

Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей. Они разговаривают, читают, плачут, смеются – а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью – прячет под подушку бисквиты и шоколадки и потихоньку чавкает.

Как много они едят! Как долго они едят! Как часто они едят. И говорят ещё, что я обжора...

Сунут косточку от телячьей котлетки (котлетку сами съедят!), нальют полблюдца молока – и всё.

Разве я пристаю, разве я прошу ещё, как Зина и другие дети? Разве я ем сладкое: клейстер, который называется киселём, или жидкую гадость из чернослива и изюма, или холодный ужас, который они называют мороженым? Я деликатнее всех собак, потому что я породистый фокс. Погрызу косточку, съем, осторожно взяв из рук Зины, бисквит, и всё.

Но они... Зачем эти супы? Разве не вкуснее чистая вода?

Зачем эти горошки, морковки, сельдерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол – я имел полное право его съесть!)... Уверяю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет...

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили! Не было бы кухарок: они совсем не умеют обращаться с порядочными собаками. Ели бы все на полу, без посуды, – мне было бы веселей. А то всегда сидишь под столом, среди чужих ног. Толкаются, наступают на лапы. Подумаешь, как весело!..

Или ещё лучше – ели бы на траве перед домом. Каждому по сырой котлетке. А после обеда все бы барахтались и визжали, как Зина со мной... Гав-гав!

Меня называют обжорой (выпил глоток молока из кошкиного блюда, подумаешь)...

А сами... После супа, после жаркого, после компота, после сыра – они ещё пьют разноцветные штуки: красную – вино, жёлтую – пиво, чёрную – кофе... Зачем? Я зеваю под столом до слёз, привык около людей околачиваться, а они всё сидят, сидят, сидят... Гав! И всё говорят, говорят, говорят, точно у каждого граммофон в животе завели.

* * *

Три звёздочки.

Новая мысль. Наша корова – дура. Почему она даёт столько молока? У неё один сын – телёнок, а она кормит весь дом. И чтоб давать столько молока, она весь день ест, ест свою траву, даже смотреть жалко. Я бы не выдержал. Почему лошадь не даёт столько молока? Почему кошка кормит своих котят и больше ни о ком не заботится?

Разве говорящему попугаю придёт в голову такая мысль?

И ещё. Почему куры несут столько яиц? Это ужасно. Никогда они не веселятся, ходят, как сонные мухи, летать совсем разучились, не поют, как другие птицы... Это всё из-за этих несчастных яиц.

Я яиц не терплю. Зина – тоже. Если бы я мог объясниться с курами, я бы им отсоветовал нести столько яиц.

Хорошо всё-таки быть фоксом: не ем супа, не играю на этой проклятой музыке, по которой Зина бегаёт пальцами, не даю молока и «тому подобное», как говорит Зинин папа.

Трах! Карандаш надломился. Надо писать осторожнее – кабинет на замке, а там все карандаши.

В следующий раз сочиню собачьи стихи – очень это меня интересует.

*Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать*

Стихи, котята и блохи

Взрослые всегда читают про себя. Скучные люди – эти взрослые, вроде старых собак. А Зина – читает вслух, нараспев и всё время вертится, хлопает себя по коленке и показывает мне язык. Конечно, так веселей. Я лежу на коврике, слушаю и ловлю блох. Очень это во время чтения приятно.

И вот я заметил, что есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает – точно котлетки рубит. Сделает передышку, языком прищёлкнет и опять затарахтит. А на конце каждой строчки – ухо у меня тонкое – похожие друг на друга кусочки звучат: «дети – отца, сети – мертвеца»... Вот это и есть стихи.

Вчера весь день пролежал под диваном, даже похудел. Всё хотел одну такую штучку сочинить. Придумал – и ужасно горжусь:

*По веранде ветер дикий
Гонит листья всё быстреей.
Я весёлый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!*

Замечательно! Сочинил и так волновался, что даже не мог обедать. Подумайте! Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в «цехе поэтов»... Разве наша кухарка сочинит такие стихи? А ведь ей сорок три года, а мне только два. Гав!

Эта кубышка Зина и не подозревает, кто у неё живёт в доме... Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр. Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?

И вот, лёжа пробовал прочесть про себя свои стихи наоборот. Тяв! Может быть, так ещё звончей будет?..

*Дикий ветер веранде по
Быстрее всё листья гонит...
Микки фоксик весёлый я,
Зверей из умный самый...*

Ай-яй-яй! Что же это такое? Котят! Скажите пожалуйста!.. Их мать, хитрая тварь, исчезает в парке на весь день: шмыг – и нету, как комар в ёлке. А я должен играть с её детьми... Один лижет меня в нос. Я тоже его лизнул, хотя зубы у меня почему-то вдруг щёлкнули... Другой сосёт моё ухо. Мамка я ему, что ли? Третий лезет ко мне на спину и так царапается, словно меня тёркой скребут. Р-р-р-р! Тише, Микки, тише... Зина хохочет и захлёбывается: ты, говорит, их двоюродный папа.

Я не сержусь: надо же им кого-нибудь лизать, сосать и царапать... Но зачем же эта девчонка смеётся?

Ах, как странно, как странно! Сегодня бессовестная кошка вернулась, наконец, к своим детям. И знаете, когда они бросили меня и полезли все под свою маму – я посмотрел из-под скатерти, задрожал всей шкурой от зависти и нервно всхлипнул. Непременно напишу об этом стишок.

Ушёл в аллею. Не хочу больше играть с котятками! Они не оценили моего сердца. Не хочу больше играть с Зиной! Она вымазала мне нос губной помадой...

Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!

* * *

Видел на граммофонной пластинке нацарапанную картинку: фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает. Че-пу-ха! Ни один порядочный фокс не будет слушать эту хрипящую, сумасшедшую машину. Если бы я был Зинин папа, уж я бы лучше держал в гостиной корову. Она ведь тоже мычит и ревёт, да и доить её удобней дома, чем бегать к ней в сарай. Странные люди...

С Зиной помирился: она катала по паркету игрушечный кегельный шар, а я его со всех ног ловил. Ах, как я люблю всё круглое, всё, что катится, всё, что можно ловить!..

Но девочка... всегда останется девочкой. Села на пол и зевает: «Как тебе, Микки, не надоест сто раз делать одно и то же?»

Да? У неё есть кукла, и книжки, и подруги, папа её курит, играет в какие-то дурацкие карты и читает газеты, мама её всё время одевается и раздевается... А у меня только мой шар – и меня ещё попрекают!

Ненавижу блох. Не-на-вижу. Могли бы, кажется, кусать кухарку (Зину мне жалко), так нет – целый день грызут меня, точно я сахарный... Даже с котят все на меня перескочили. Ладно! Пойду в переднюю, лягу на шершавый коврик спиной книзу и так их разотру, что они в обморок попадают. Гав-гав-гав!

Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь – никому не известно.

*Фокс Микки,
Собака-поэт,
Умнее которой в мире нет...*

Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли

Вопросом называется такая строчка, в конце которой стоит рыболовный крючок – вопросительный знак.

Меня мучают пять вопросов.

Почему Зинин папа сказал, что у него «глаза на лоб полезли»? Никуда они не полезли, я сам видел. Зачем же он говорит глупости? Я прокрался к шкафу, сел перед зеркалом и изо всех сил закатил кверху глаза. Чушь! Лоб вверх, и глаза на своём месте.

Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я иногда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдёшь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруду. Очень мне их жалко! Утром плавали и пускали пузыри, а вечером перевариваются в тёмном и тесном человеческом желудке. Да ещё гнусная кошка все кишочки по саду растаскала...

Почему Зинина бонна всё была брюнеткой, а сегодня у неё волосы, как соломенный сноп? Зина хихикнула, а я испугался и подумал: хорошо, Микки, что ты собака... Женили бы тебя на такой попугайке: во вторник она чёрная, в среду – оранжевая, а в четверг – голубая с зелёными полосками... Фу! Даже температура поднялась.

Почему, когда я себя веду дурно, на меня надевают намордник, а садовник два раза в неделю напивается, буянит, как бешеный бык, – и хоть бы что?! Зинин дядя говорит, что садовник был контужен, и поэтому надо к нему относиться снисходительно. Непременно узнаю, что такое «контужен», и тоже контужусь. Пусть ко мне относятся снисходительно.

Пойду догрызу косточку (я спрятал её... где?.. а вот не скажу!). Потом опять напишу.

* * *

Ах, что я видел во сне! Будто я директор собачьей гимназии. Собаки сидят по классам и учат «историю знаменитых собак», «правила хорошего собачьего поведения», «как надо есть мозговую кость» и прочие подходящие для них штуки.

Я вошёл в младший класс и сказал: «Здравствуйте, цуцики!» – Тяв, тяв, тяв, господин директор! – «Довольны вы ими, мистер Мопс?» Мистер Мопс, учитель мелодекламации, сделал реверанс и буркнул: «Пожаловаться не могу. Стараются». «Ну, ладно. Приказываю моим именем распустить их на полчаса».

Боже мой, что тут поднялось! Малыши бросились на меня всей ватагой. Повалили на пол... Один вылил на меня чернильницу, другой уколол меня пером в кончик хвоста – ай! Третий стал тянуть моё ухо вбок, точно я резиновый... Я завизжал, как паровоз, – и проснулся. Луна. На полу сидит таракан и подьедает брошенный Зиной бисквит. За окном хлопает ставня. Уй-уй-уй!..

Зинина комната на запоре. Я прокрался в закоулок за кухней и свернулся на коврик у кухаркиной кровати. Конечно, я её не люблю, конечно, она храпит так, что банки дребезжат на

полке, конечно, она высунула из-под одеяла свою толстую ногу и шевелит во сне пальцами... Но что же делать?

Окно побелело, а я всё лежал и думал: что означает мой сон? У кухарки есть затрёпанная книга – «сонник». Она часто перелистывает её пухлыми пальцами и всё вычитывает по складам про какого-то жениха. Подумаешь, кто на такой сковородке женится?..

Но что мне «сонник»? Собачьих снов в нём всё равно нету... А может быть, сон был мне в руку? То есть в лапу.

* * *

Мысли:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро. Самое гнусное человеческое изобретение – ошейники, обтянутые собачьей кожей. Зачем наш сосед пашет землю и сеет хлеб, когда рядом с его усадьбой есть булочная? Когда щенок устроит совсем-совсем маленькую лужицу на полу – его тычут в неё носом; когда же то же самое сделает Зинин младший братишка, пелёнку вешают на верёвочку, а его целуют в пятку... Тыкать – так всех! Дрался с ежом, но он нечестный: спрятал голову и со всех сторон у него колючий зад. Р-р-р! Это что ж за драка?.. Ел колбасу и проглотил нечаянно колбасную верёвочку. Неужели у меня будет аппендицит?!

Зина пахнет миндальным молоком, мама её – тёплой булкой, папа – старым портфелем, а кухарка... многоточие...

Больше мыслей нету. Взы! Почему никто не догадается дать мне кусочек сахара?

*Фокс Микки,
которому по-настоящему
следовало бы быть профессором*

Осенний кавардак

Осень. Хлюпает дождик. Как ему не надоест целый день хлюпать? Жёлтые листья всё падают, и скоро деревья будут совсем лысые. А потом пойдут туманы – большая собака заберётся в будку и будет храпеть с утра до вечера. Я иногда хожу к ней в гости. Но она глупая и необразованная: когда я с ней играю и осторожно цапаю её за хвост, она бьёт меня лапой по голове и хватает зубами поперёк живота. Деревенщина!

Туманы – туманы – туманы. Грязь – грязь – грязь. И вдруг потянет теплом. Налетят со всех сторон сумасшедшие птицы. Небо станет, как вымытая Зинина голубая юбка, и на чёрных палках покажутся зелёные комочки. Потом они лопнут, развернутся, зацветут... Ох, хорошо! Это называется – весна.

Деревья, вот даже старые, молодеют каждую весну. А люди и взрослые собаки – никогда. Отчего? Вот Зинин дядя совсем лысый, вся шерсть с головы облезла, точь-в-точь – бильярдный шар. А вдруг бы у него весной на черепае зелёная травка выросла? И цветочки?

Или чтоб у каждой собаки в апреле на кончике хвоста бутон распускался?..

Всё бы я на свете переделал. Но что же может маленький фокс?

А в доме – кавардак. Снимают ковры, пересыпают каким-то нафта-ли-ном. Ух, как от него чихаешь! Я уж в комнаты и не хожу. Лежу на веранде и лапой тру нос. Ведь я же всегда хожу босиком, к лапам и пристаёт. Прямо несчастье!

* * *

Зина собирает свои книжки и мяучит. Братец её лежит в своей колясочке перед клумбой и визжит, как щенок. И только я, фокс Микки, кашляю, как человек, скромно и вежливо: у меня бронхит.

Пусть, пусть собирается. Ни за что я в Париж не поеду. Спрячусь у коровы в соломе – не разыщут.

Ну что там в Париже, подумайте? Был один раз, возили к собачьему доктору. Улиц – миллион, а миллион – это больше, чем десять. Куда ни помотришь – ноги, ноги и ноги. Автомобили, как пьяные носороги, летят, хрипят – и всё на меня!.. Я уж Зининой юбки из зубов не выпускал. Цепочка тянет, намордник жмёт. Как они могут жить в таком карусельном городе!..

Ни за что! Чтоб я сидел у окна и смотрел на вывеску с дамской ногой? Чтоб меня консьержка называла «поросёночком»? Чтоб меня гоняли с кресел и с дивана?! Чтоб меня попрекали, что я развожу в доме блох?! Я ж их не фабрикую – они сами разводятся...

И какие там гнусные собаки! Бульдоги с растопыренными лапами, вывороченной мордой и закусенными языками; полосатые доги, похожие на мясников; мопсы вроде жаб, зашитых в

собачью шкуру; болоночки – волосатые насекомые с висячими ушами и мокрыми глазами... Фу! Гав-гав! Фу! Отчего это собаки такие разные, а кошки все на один фасон? И, знаете, – это, впрочем, Зина сказала, – они все похожи друг на друга: хозяева на своих собак и собаки на своих хозяев. А Микки и Зина? Что ж, и мы похожи, только бантики у нас разные: у неё зелёный, а у меня жёлтый.

Ах, как из дверей дует! Пальто на диване, а укрыться не умею. Нет, что ни говори – руки иногда вещь полезная.

* * *

Грузовик забрал вещи. В столовой – бумаги и сор. Зачем это люди переезжают с места на место? Дела, уроки, квартира... «Собачья жизнь!» – говорит Зинин папа. Нет уж, собачья лучше, это позвольте мне знать.

Меня оставляют. Подружусь с дворовой собакой, ничего не поделаешь. Зина говорит, чтоб я не плакал, обещает раз в неделю приезжать, если я буду себя хорошо вести. Буду! Очень я её люблю: я её сегодня лизнул в глаз, а она меня в нос. Чудесная девочка!

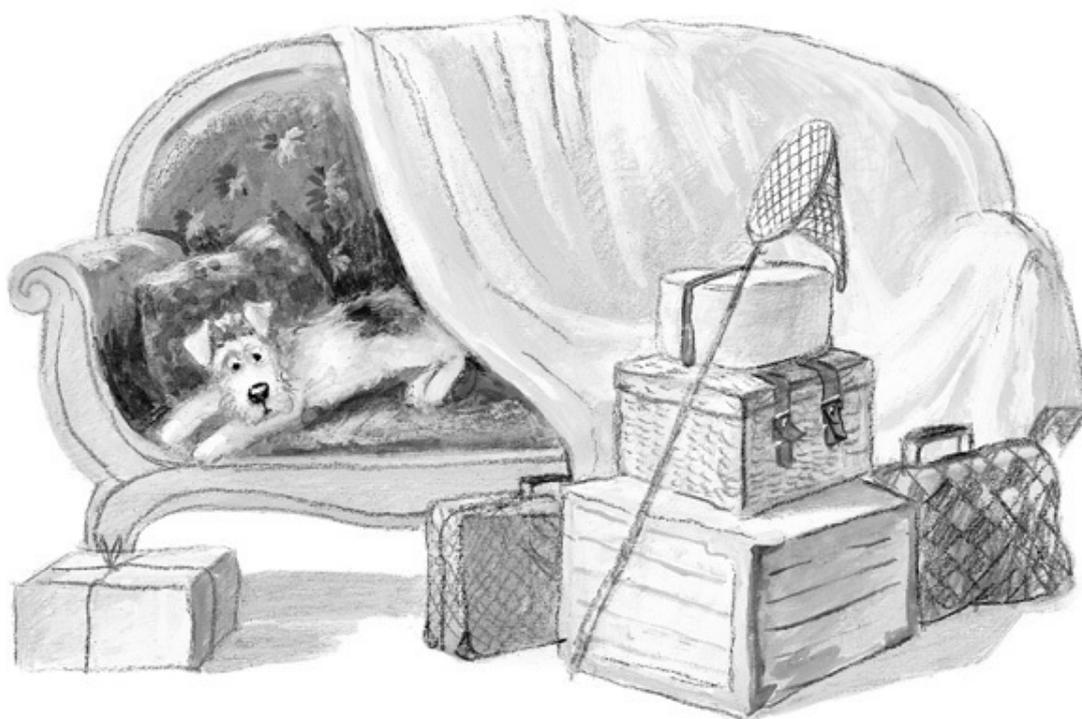
Садовнику приказали меня кормить. Пусть попробует не кормить – я у него все бутылки перебью! Да и мясник меня любит: каждый раз, когда приезжает, что-нибудь даст. Котята выросли, быстро это у них делается... Совсем меня забыли и носятся по парку как оглашённые (что это такое «оглашённые»?). Придётся и с ними подружиться...

Но самое обидное – кончается мой последний карандашный огрызок. А с письменного стола всё убрали. Ах, зачем я не догадался взять про запас! Прощай, мой дневник... Я уж Зину так умолял, так умолял – за платье дёргал, перед письменным столом служил, но она не понимает и всё мне шоколадки в рот суёт. Вот горе! Без рук тяжело, а без языка – из лап вон плохо!..

Моя золотая-серебряная-бриллиантовая тетрадка. Суну тебя под шкаф, лежи там до будущей весны...

Ай-яй! Гав! Зина заметила, что я пишу... Идёт ко мне! Отнима...

Я один

В доме никого нет. Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). Вообще, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе ещё кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставлю – и «наплевать», как говорит садовник.

А в комнате никуда от этого бандита не спрячешься. Врывается из-под двери, сквозь оконные щёлочки, сквозь каминную дыру, и так пищит, и так скулит, и так подвывает, точно его мама была собакой. Ни морды, ни глотки, ни живота, ни зада у него нет. Чем он дует – понять не могу...

Забираюсь под диванную подушку, закрываю глаза и стараюсь не слушать.

Отдал бы полную чашку с овсянкой (ужасная гадость!), если бы мне кто-нибудь объяснил, зачем осень, зачем зима? В аллее такая непроходимая грязь, какую я видал только под носорогом в зоологическом саду. Мокро. Голые ветки хлопают друг о друга и чихают. Ворона, облезшее чучело, дразнится: «кра! – почему тебя не взяли в город?»

Потому что сам не захотел! А теперь жалко, но держусь молодцом. Вчера только поплакал у камина, очень уж гадко в темноте и сырости. Свечку нашёл, а зажечь не умею. У-у-у!

К садовнику не хожу. Он сердится: почему у меня лапы всегда в грязи? В сабо мне ходить, что ли?

Ах, ах... Одна только радость – разыскал в шкафу позабытую сигарную коробку с карандашами, стянул в буфетной приходе-расходную книжку, и вот опять веду свой дневник.

Если бы я был человеком, непременно издавал бы журнал для собак!

* * *

Скребуются мыши. Хотя фоксам это не полагается, но я очень люблю мышей. Чем они виноваты, что они такие маленькие и всегда хотят есть?

Вчера один мышонок вылез и стал катать по полу прошлогодний орех. Я ведь тоже люблю катать всё круглое. Очень хотел поиграть с ним, но удержался: лежи, дурак, смирно! Ты ведь большой, как слон, – напугаешь малыша, и он больше не придёт. Разве я не умница?

Сегодня другой до того осмелел, что взобрался на диван и понюхал мою лапу. Я прикусил язык и вздрогнул. Тяф! Как я его люблю!

Вот только как их отличать одного от другого?..

Если кошка посмеет их тронуть, я её загоню на самую высокую ёлку и целый день сторожить буду... Гав! Дрянь! Ненавижу!..

Почему ёлки всю зиму зелёные? Думаю, потому, что у них иголки. Ветру листья обрывать не штука, а иголки – попробуй! Они тоненькие – ветер сквозь них и проходит, как сквозь решето...

* * *

До чего я исхудал, если бы вы знали. Зинина тётя была бы очень довольна, если бы была теперь похожа на меня. Она ведь всё похудеть хочет. А сама целый день всё лопает и затягивается.

Проклятый садовник и консьерж сговорились – съедают всю провизию сами, а мне готовят только эту ужасную овсянку. Дворовому псу дают большие кости и суп с чёрствым хлебом. Он со мной делится, но где ж мне разгрызть такую кость, когда она твёрже утюга? А суп... Таким супом в бистро тарелки моют!

Даже молока жалеют, жадины! Молоко ведь даёт корова, а не они. Уж я бы её сам подоил: мы с ней дружны, и она мне всегда в глаза дышит, когда я прибегаю в сарай. Но как я её буду доить моими несчастными лапами?..

Придумал штуку. Стыдно очень, но что ж делать – есть надо. Когда дождь утихнет, бегаю иногда в соседнее местечко к знакомому бистровщику. У него по вечерам под граммофон танцы. Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец.

Я на задние лапки встану, живот подтяну, верчусь и головой киваю.

Все пары и танцевать бросят... В кружок соберутся и хохочут так, что граммофона не слышно.

И уж такую порцию мяса мне закажут, что я еле домой добираюсь. Да ещё телячью косточку в зубах принесу на завтрак...

Вот до чего ради голода унижаться приходится!

Жаль только, что нет другой маленькой собачки. Мы бы с ней танцевали вдвоём и всегда были сыты.

* * *

Надо записать все свои огорчения, а то потом забуду.

Петух ни с того ни с сего клюнул меня в нос. Я только подошёл поздороваться... Зачем же драться, нахал горластый?! Плакал, плакал, сунул нос в корытце с дождевой водой и до вечера не мог успокоиться...

Зина меня забыла!

В мою чашку с овсянкой забрался чёрный таракан, задохся и утонул. Какая мерзость! Птицы, кроме петухов, туда-сюда; кошки – гадость, но всё-таки звери. Но кому нужны чёрные тараканы?!

На шоссе чуть не попал под автомобиль. Почему он не гудел на повороте?! Почему обрызгал меня грязью?! Кто меня отмоет? Ненавижу автомобили! И не по-ни-ма-ю...

Зина меня забыла!

Спугнул в огороде дикого кролика и налетел на колючую проволоку. Уй-ю-юй, как больно! Зина говорила, что, если порежешься ржавым железом, надо сейчас же смазаться йодом. Где я возьму йод? И йод ведь щиплет – я знаю...

Мыши проели в моём дневнике дырку. Никогда больше не буду любить мышей!

Зина меня забыла...

Сегодня нашёл в бильярдной кусочек старого шоколада и съел. Это, правда, не огорчение, а радость. Но радостей так мало, что не могу же я для них отдельную страницу отводить.

*Одинокий, несчастный, холодный
и голодный фокс Микки*

Переезд в Париж

Вы любите чердаки? Я – очень. Люди складывают на чердаках самые интересные вещи, а по комнатам расставляют скучные столы и дурацкие комоды.

«Когда сердце моё разрывается от тоски», – как говорит Зинина тётя, – я прибегаю из голого парка, вытираю о диван лапы и бегу на чердак.

Над стеклом в потолке пролетают воробьи – они вроде мышей, только с крылышками. «Чик-чивик!» – «Доброе утро, силь ву пле!»

Потом здороваюсь со старой Зининой куклой. У неё чахотка, и она лежит в пыльной дырявой ванне, задрав кверху пятки. Я её перевернул, чтобы всё было прилично... Поговорил с ней о Зине.

Да, конечно, сердце девочки – одуванчик. Забыла куклу, забыла Микки. А потом у неё появится дочка, и всё начнётся сначала... новая дочка, новая кукла, новая собачка. Апчхи! Как здесь пыльно!

Обнюхал разбитую люстру, лизнул резиновую собачку – у неё, бедной, в животе дыра... разорвал в клочки собачью плётку...

«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!»...

Если бы я был сильнее, я бы отодвинул старую ванну и устроил себе на чердаке комнату. Под раненый диван подставил бы попугайскую клетку – это моя спальня. На китайском бильярде устроил бы себе письменный стол. Он покатый – очень удобно писать!

Уборную устрою на крыше. Это и «гигиенично» и приятно. Буду лазить, как матрос, по лестничке в слуховое окошко.

А намордник свой заброшу в дымовую трубу!! Апчхи!.. Чихнул – значит, так и будет. Ай! На шоссе экипаж... Чей? Чей? Чей? И-и-и! Зина приеха...

* * *

Третью неделю живу в Париже, 16, рю д'Ассомпсион, телефон Отей 12–37. Третий этаж направо. Кордон, силь ву пле!

Вы бы меня и не узнали: лежу у камина на подушечке, как фарфоровая кошка. Пахнет от меня сиреневым мылом, сбоку зелёный галстук. На ошейнике – серебряная визитная карточка с адресом... Если бы я умел говорить, украл бы франк и купил себе манжетки.

Зина в школе... На соседнем балконе сидит преотвратительная собачонка. В ушах пакля, в глазах пакля, на губах пакля. Вообще, какая-то слезливая муфта, мусорная тряпка, собачья слепая кишка, пискливая дрянь! И знаете, как её зовут? Джо-ко-нда... Морда ты, морда тухлая!

Когда никого нет на балконе, я её дразню. Ух, как приятно! Становлюсь к ней задом и начинаю дёргать задней ногой; пять минут дёргаю.

Ах, какую она истерику закатывает! Как кот под автомобилем...

– Яй-й-й-и! Уй-уй-уй-о! Ай-ай-ай-э!..

Катышком прибегает её хозяйка, такая же коротенькая, лохматенькая, пузатенькая, живот на ходу застёгивает, и, Боже мой, чего она не наговорит:

– Деточка моя, пупупусичка! Кто тебя оби-би-би-дел? Бедные мои глазочки! Чудные мои лапочки! Золотой, дорогой хвостичек!..

А я в комнату со своего балкона спрячусь, точно меня и на свете нет, по ковру катаюсь и лапами себя по носу бью. Это я так смеюсь.

Внизу, сверху, справа и слева играют на пианино. Я бы им всем на лапы намордники надел! Зина в школе. И зачем девочке так много учиться? Всё равно вырастет, острижёт волосы и будет на кушетке по целым дням валяться. Уж я эту породу знаю.

Вчера из усадьбы приезжал садовник. Привёз яблоки и яйца. Лучшие отобрал для кухарки (знаем, знаем!), а худшие – для Зининых родителей. Поймите людей: носят очки, носят пенсне, а ничего у себя под носом не видят...

Прокрался в переднюю, встал на стул и положил ему в карман пальто рыбьих кишочек... Пусть знает!

* * *

Был с Зиной в синема. Очень взволнован. Как это, как это может быть, чтобы люди, автомобили, дети и полицейские бегали по полотну?! И почему все серые, чёрные и белые? Куда же девались краски? И почему все шевелят губами, а слов не слышно?... Я видел на чердаке в коробочке засушенных бабочек, но, во-первых, они не двигались, а во-вторых, они были разноцветные...

Вот, Микки, ты и дурак, а ещё думал, что ты всё понимаешь!

Представление было очень глупое: он влюбился в неё и поехал на автомобиле в банк. Она тоже влюбилась в него, но вышла замуж за его друга. И поехала на автомобиле к морю с третьим. Потом был пожар и землетрясение в ванной комнате. И качка на пароходе. И негр пробрался к ним в каюту. А потом все помирились...

Нет, собачья любовь умнее и выше!

Неприменно надо изобрести синема для собак. Это же бессовестно – всё для людей: и газеты, и скачки, и карты. И ничего для собак.

Пусть водят нас хоть раз в неделю, а мы, сложив лапки, будем культурно наслаждаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.